

ФУНКЦИИ МОТИВА «СОСЕДСТВО» В «УСАДЕБНОМ ТЕКСТЕ» А.С. ПУШКИНА

Анализируется комплекс функций, связанных с мотивом «соседство», в художественном и эпистолярном наследии А.С. Пушкина. Делается вывод о том, что данный комплекс характерен преимущественно для «усадебного текста» Пушкина. Он представляет собой сложный синтез фольклорных и литературных традиций, тесно связан с пониманием усадьбы как Дома-Семьи и отражает восприятие повседневной усадебной культуры первой половины XIX в.

Ключевые слова: Пушкин, усадебный текст, мотив, повседневность, сосед, дом, семья.

В последнее десятилетие одним из перспективных и актуальных направлений в литературоведении и культурологии является рассмотрение провинциальной дворянской усадьбы в ее родовой специфике, в качестве Дома, места пребывания единой семьи и рода [1]. При этом ведущими фигурами культурного и бытового пространства русской усадьбы традиционно считаются Хозяин и Гость [2]. Однако в тени исследовательских интересов остается Соседство – одна из важнейших категорий русской национальной картины мира и обязательный элемент концептосферы русского усадебного сознания. Анализ «усадебного текста» А.С. Пушкина с этой точки зрения кажется нам наиболее продуктивным. На наш взгляд, именно Пушкин впервые в русской литературе осмыслил Соседство в категориях Семейственности («своя семья») и в качестве одного из основных признаков «оседлого» житья.

Этимологически слово «сосед» восходит к тому же корню, что и слово «усадьба», что подчеркивает значимость общего для них соположения в пространстве: «сосед» означает «сидящий рядом, вместе». В понятии «соседства», отражающем русскую ментальность в целом, заключен семантический элемент «совместности» не только в пространственном отношении, но и в общности бытового уклада и поведенческих форм жизни, «общежития искусства».

В наследии Пушкина высокочастотный образ Соседа выступает своего рода символом и маркером пространства культуры усадебной повседневности. Очевидно, что без фигуры Соседа, «соседственных» отношений усадебный мир немислим, как не мыслим без них и «усадебный текст». Уединенный и замкнутый образ жизни в отдаленной провинции предполагал ограниченный круг лиц для общения. Соседи, дополнявшие этот круг, порой выступали наравне с членами семьи. Чем уединеннее была жизнь хозяина, тем более возрастала ценность соседа, способного тем или иным способом скрашивать серые будни. Это могло быть совместное дружеское времяпрепровождение, обсуждение слухов и их создание, наблюдение за событиями в жизни других соседей (сосед-гость), а также вражда соседей, их ссоры и тяжбы (сосед-враг). Все эти мотивы и сюжеты легко находимы в «усадебном тексте» Пушкина.

Уже в одном из ранних стихотворений «Послание к Юдину» (1815 г.) поэт запечатлел характерную особенность усадебного «искусства общежития»: появление соседей-гостей воспринимается и как антитеза уединению: «Соседи шумною толпою / Взошли, прервали тишину, / Сядутся...» (здесь и далее выделено мною. – Т.К.) [3, т. 1, с. 129]. В стихотворении «Городок» (1815 г.) развернутое изображение досуга (чтение книг, сон, мечтанья, поэтическое творчество, прогулки) дополняется *визитами к соседям* – «для развлечения, оставя книг ученье». При этом в обрисовке образов «добренькой старушки» и «доброто» семидесятилетнего соседа, в гостях у которых лирический герой пьет «душистый чаек» или участвует в «вечерней пирушке», актуализируется коммуникативный аспект соседства: *общение с соседями* выступает как средство спасения от скуки. Кроме того, оно противопоставляется *чтению книг* как сфера легкомысленного – сфере серьезного, как «отдых, забава» – «труду». В более позднем стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне...» (1829 г.) оба мотива пересекаются. Так, к «средствам от скуки» отнесены «старые журналы соседа», с которыми можно «возиться до обеда» [3, т. III, кн. 1, с. 181]. И вновь возникает *мотив визита соседей-гостей*, однако теперь поэт привносит в его трактовку новый элемент: приезд соседей порождает ощущение праздника, им «оживляется глухая сторона», и «жизнь становится полна» [3, т. III, кн. 1, с. 182].

Мирное сосуществование с соседями в сознании пушкинского современника – одно из правил усадебного бытия, основанное на патриархальном укладе и отражающее идиллический смысл русской дворянской усадебной культуры. На языке «усадебной» личности понятие «соседи» было синонимично понятию «своя семья», т. е. люди одного круга, одной ментальности, и полноправно входило в сферу личного, «домашнего» пространства. Именно такое отношение к соседству отличает героев романа «Евгений Онегин» – Ленского, искренне считавшего, что на именинах у Лариных собираются только «свои», и Татьяну, воспринимающую гибель Владимира как смерть «брата». Заметим, что у Пушкина именно этот аспект («своя семья») маркирует «деревенский» / «усадебный» идиллический топос. В романе в стихах по этому принципу выстроена система персонажей, делящихся на «сво-

их» и «чужих». Нами установлено, что употребление наименования «сосед» / «соседи» встречается только в «деревенских» главах романа. Единственное исключение – название в «петербургской» главе Татьяны-княгини «соседкой» Нины Воронской. Но это лишь подчеркивает имманентную принадлежность Татьяны к усадебному миру.

Интересно проследить, какие номинации в тексте романа получает Зарецкий, явно не вписывающийся в парадигму идиллических смыслов русской усадебной культуры, но фактически являющийся соседом как Ленского, так и Онегина. В романе автор демонстративно избегает прямого названия Зарецкого «соседом», используя парафраз («В пяти верстах от Красногорья, деревни Ленского, живет <...> помещик мирный»), личное местоимение третьего лица «он» или наименования типа «механик деревенский» и др. «Соседом» он называется лишь однажды: в драматической сцене гибели Ленского, когда произносит то самое «страшное восклицание», которым «сражен» Онегин и отчасти читатель, знакомый с пушкинской языковой практикой употребления слова «сосед»: «Ну, что ж? убит», – решил сосед» [3, т. VI, с. 132]. Нарочито подчеркнутая равнодушная интонация данной фразы вкупе с употребленным в прямом лексическом значении словом «сосед», на наш взгляд, совершенно оправданы логикой авторского повествования. Считаем, что вместе с гибелью Ленского в деревенском топосе происходит и «гибель счастливой Аркадии», идиллии усадебного существования. Разрушается создаваемый на протяжении всего романа, как, впрочем, и на протяжении всей второй половины XVIII – начала XIX вв., усадебный миф. Нарушается естественный ход событий, и привычные вещи теряют свое место, свои имена. Таким образом, подчеркнутое нами лексическое «нарушение» отражает эти концептуальные изменения в романе [4, с. 44–74].

Образ Соседа в «усадебном тексте» Пушкина впитал фольклорные представления о взаимообусловленности соседства и деревенского образа жизни. Пословицы «не купи деревни, а купи соседа», «ни в городе порукой, ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед», «ближний сосед лучше дальней родни», которые, конечно, знал Пушкин, свидетельствуют о высоких этических требованиях, предъявляемых к месту и роли Соседа в национальной кар-

тине мира. В этом отношении вполне объяснимо обращение Пушкина к *мотиву взаимовыручки и взаимопомощи соседей* по имениям. Так, в сложные для семьи минуты сзывается совет, состоящий из самых приближенных родственников и соседей, и это – «семейный совет». В «Евгении Онегине» так поступает старушка Ларина, обеспокоенная судьбою дочери, в «Метели» – мать Марьи Гавриловны, которая «советовалась со своим мужем и некоторыми соседями» [3, т. VIII, кн. 1, с. 82]. Именно сосед дает «совет разумный и благой» в соответствии с патриархальными традициями, «привычками милой старины».

Народная мудрость «ближний сосед лучше дальней родни» могла бы стать эпиграфом к Предисловию к «Повестям Белкина». Напомним, что необходимые Издателю сведения о жизни Ивана Петровича предоставил сосед, а не родственники покойного. О соседе сказано, что он был другом отца Белкина и совершенно бескорыстно помогал молодому помещику вести хозяйство. Интересно, что в первоначальном наброске речь ведется от лица не соседа, а «друга покойного Петра Ивановича Д.», который является также «опекуном» и «управителем» его имения. Основной акцент в их отношениях делается на юридическую, формальную сторону: «Будучи его опекуном, желал сдать ему его имение на законных основаниях. Предвидя, что беспечность его характера не допустит его заниматься хозяйством, я предлагал ему продолжение своего управления...» [3, т. VIII, кн. 2, с. 582]. В окончательном варианте уточняется, что «почтенный муж», доставивший сведения об Иване Петровиче Белкине, был ему «искренним другом и соседом по поместьям» [3, т. VIII, кн. 1, с. 60]. В отличие от первоначального варианта, желание помочь в хозяйственных делах мотивировано исключительно человеческим участием и, более того, почти родственным, отеческим долгом: «Быв приятелем покойного его родителя, я почитал долгом предлагать и сыну свои советы и неоднократно вызывался восстановить прежний, им упущенный порядок...» [3, т. VIII, кн. 1, с. 60]. Пример такой творческой переработки свидетельствует о пристальном внимании Пушкина к традиционным реалиям помещичьей жизни, понимании им значимости роли Соседства в усадебной повседневности.

Как известно, пушкинский современник, попадая в удаленную от обеих столиц усадьбу, помимо своей воли оказывался вовлеченным в особые «соседственные» отношения. Это касается и распространенных негласных правил Соседства, которые требовалось соблюдать. По приезде в усадьбу впервые или после длительного отсутствия необходимо было установить дружеские связи с новыми соседями или возобновить прежние знакомства. Перечисляя в письмах достопримечательности нового места жительства и описывая окрестности, в первую очередь упоминали соседей, их количество, уровень культуры, уклад жизни. Так осваивалось пространство, прощупывалась почва для дальнейшего выстраивания отношений, ибо русский дворянин XIX в. мыслил себя вне дружеских связей.

Главная героиня «Романа в письмах», отчитываясь в своем первом послании из деревни о том, как она устроилась, считает необходимым сообщить подруге в числе примет своего усадебного быта и наличие соседей: «Соседей у нас мало, и я еще ни с кем не видалась» [3, т. VIII, кн. 1, с. 46]. Слово «еще» в данном предложении подчеркивает обязательность и неизбежность такой встречи. Во втором письме в качестве новости она и сообщает о своем знакомстве с соседским семейством***, описывает его членов, отмечая их гостеприимство (отец «хлебосол», мать «большая охотница до виста», дочка «с чувством потчует вареньем»).

Дружественные визиты с целью знакомства, выяснения возможных родственных отношений, общих интересов – еще один «сюжет» русской усадебной культуры и литературы. Как помним, по приезде Онегина в дядюшкину деревню «сначала все к нему езжали; / Но так как с заднего крыльца / Обыкновенно подавали / Ему донского жеребца, / Лишь только вдоль большой дороги / Заслышат их домашни дроги, – / Поступком оскорбясь таким, / Все дружбу прекратили с ним», пошла молва, что он «нелюдим» [3, т. VI, с. 33]

Замечательно в этом плане само положение Пушкина в Малинниках 1828 г., о чем он сообщал в письме А.А. Дельвигу: «Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито... на днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать...» [3, т. XIV, с. 34]. Таким пояснением он предваряет анекдотическую историю о «сахарном Пушкине», воспроизводя наблюдаемый в действительности про-

цесс создания слухов и сплетен и доведения их до абсурда.

Слухи, бытовые легенды, анекдоты – обязательная составляющая культурной жизни конца XVIII – первых десятилетий XIX в. Особенную актуальность слухи и толки приобретают в усадебном и – шире – провинциальном топосе в силу специфичности «скуки вечного повторения», предельной минимализации событийной стороны жизни. Слухи, порождаемые и распространяемые провинциальными жителями, – естественная форма передачи информации внутри замкнутого и обособленного пространства и между несколькими такими пространствами. В художественном сознании Пушкина *мотив молвы* неразрывно связан с Соседством.

Соседи – единственные в округе заинтересованные зрители, перед ними жизнь главных пушкинских героев-помещиков предстает как театральная сцена. В упомянутом выше стихотворении «Городок» «старушка-соседка» «все сведает, узнает: / Кто умер, кто влюблен, / Кого жена по моде / Рогами убрала, / В котором огороде / Капуста цвет дала...» [3, т. I, с. 80]. Тем более, «строгому разбору в соседстве повод подавал» новый помещик, впервые появившийся в усадебном ограниченном топосе. В новелле «Выстрел» очень точно об этом сказано: «Приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей. Помещики и их дворовые люди толкуют о том месяца два прежде и года три спустя» [3, т. VIII, кн. 1, с. 89]. В «Барышне-крестьянке» соседей (особенно юных дворянок) занимает появление молодого Берестова: «все молодые соседки только об нем и говорили» [3, т. XVIII, с. 102]. В «Евгении Онегине» Ленский «*везде был принят как жених; / Таков обычай деревенский; / Все дочек прочили своих / За полурусского соседа*» [3, т. VI, с. 36]. Попутно заметим, что «свадебная тема» (поиск жениха, сватовство) не противоречит идее усадьбы как общего Дома-Семьи, однако связана не столько с соседством, сколько с ситуацией «Хозяин-Гость».

Мнение соседей – движущая сила в формировании репутации помещика. В повести «Барышня-крестьянка» именно соседи «говорили согласно», что из Алексея Берестова не получится «путного столоначальника», а «молодые соседки» Лизы Муромской «только о нем и говорили», рождая миф о его байронической разочарованности.

Вспомним, что за действиями Евгения Онегина следят соседи; именно их реакция описывается, когда «ярм он барщины старинной / Оброком легким заменил»: «в углу своем надулся, / Увидя в этом страшный вред, / Его расчетливый сосед. / Другой лукаво улыбнулся, / И в голос все решили так, что он опаснейший чудак» [3, т. VI, с. 32–33].

Распространяя слухи и сплетни, Сосед способен манипулировать общественным мнением, управлять завязкой конфликта и развитием действия, совмещая роли зрителя и режиссера одновременно. В «Дубровском» вражда бывших друзей-помещиков была предопределена, так как «все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом» [3, т. VI, с. 162]. Самые оскорбительные выражения, в которых «громко изливалась» досада Троекурова после размолвки с Дубровским, «*благодаря усердию* тамошних дворян доходили до Дубровского *исправленные и дополненные*» [3, т. VI, с. 164–165]. Ср. в «Барышне-крестьянке»: критические насмешки Берестова над Муромским «*по усердию* соседей доводимы были до сведения Григория Ивановича *с дополнениями и пояснениями*» [3, т. VIII, кн. 1, с. 110]. Оба произведения корреспондируют, дословно повторяя друг друга. Выбор слова «усердие» при характеристике отношения соседей к разнесению слухов определяется у Пушкина, с одной стороны, авторской иронией, с другой – наивностью провинциала, воспринимающего свою коммуникативную задачу вполне серьезно.

Процесс зарождения и распространения слухов среди соседей очень ярко продемонстрирован в известных строчках Пушкина: «Онегина явление / У Лариных произвело / На **всех** большое впечатление / И **всех** соседей развлекло. / Пошла догадка за догадкой. / **Все** стали толковать *украдкой*, / Шутить, судить не без греха, / Татьяне прочить жениха: / **Иные** даже утверждали, / Что свадьба слажена совсем, / Но остановлена затем, / Что модных колец не достали. / О свадьбе Ленского давно / У них уж было решено» [3, т. VI, с. 53]. Здесь и первая реакция соседей, и интерес, и последующее появление предположений согласно усадебным стереотипам, и развитие сплетни, и обрастание ее абсурдно-анекдотическими подробностями. Очевидная ирония автора усилена стилизацией речи обывателя, наблюдающего за развитием событий.

Мотив «общественного мнения», молвы в «усадебном тексте» Пушкина коррелирует с мотивом «тайного знания». Сосед обладает неким секретом, который он либо делает предметом всеобщего обсуждения, превращая в слухи, либо хранит в тайне. Под «тайным знанием» может пониматься достаточно широкий круг значений: *знание реальных или вымышленных подробностей событий* (см. выше цитируемые фрагменты из «Барышни-Крестьянки», «Дубровского», «Евгения Онегина»), *жизненно важная информация или «опасное знание»*. В Предисловии к «Повестям Белкина» *важным* знанием – опытом в управлении помещичьим хозяйством – тщетно пытается поделиться с главным героем его сосед по имени (такой соседкой в жизни самого Пушкина была П. А. Осипова, пытавшаяся «открыть глаза» поэту на плутни немца Райхмана, назначенного управляющим в Болдине). В «Метели» *соседи-сообщники* тщательно хранят важную семейную тайну: «тайна была сохранена более, чем полудюжиною заговорщиков» [3, т. VIII, кн. 1, с. 82]. Мотив «заговора» «посвященных лиц» также присутствует в поэме «Граф Нулин». В ее финале Пушкин, используя арзамасскую пародийно-игровую поэтику («многозначительная недосказанность», «минус-прием», настойчивое возвращение к мотиву супружеской верности) раскрывает тайну сообщников – запретную связь, адюльтер. И наконец, *опасным* «тайным знанием» обладает Зарецкий: он «знает» «строгие правила» дуэльного искусства и постиг скрытые механизмы «общественного мнения».

«Тайное знание» и «общественное мнение» актуализируют такую важную мотивную функцию, как «*опасное соседство*»¹. «Опасный сосед» Зарецкий в «Евгении Онегине» – яркий пример циничного манипулятора общественным мнением. Данный персонаж представляет собой тип расчетливого сплетника и афериста, активно действующего участника событий. Ведущими в обрисовке персонажа становятся его коммуникативные характеристики («трибун трактирный», «он сплетник, он речист», «забавные слова») и описание используемых им многочисленных речевых стратегий: «Умел он весело поспорить, / Остро и тупо отвечать, / Порой расчетливо смолчать, / Порой расчетливо повздорить, / Друзей поссорить молодых / И на барьер поставить их, / Иль помириться их заставить, / Дабы позавтракать втроем, / И после тайно обессла-

вить / Веселой шуткой иль враньем» [3, т. VI, с. 119–120]. «Расчетливость» – основное качество Зарецкого – позволяет ему ради «забавы» (именно в этом значении употребляется прилагательное «забавный», которым дважды характеризуются поступки Зарецкого) сознательно «творить» жизнь людей и продумывать ситуации в многочисленных вариантах. Как помним, именно из-за того, что в «дело» Ленского и Онегина «вмешался старый дуэлист», дуэль состоялась: гордыне Онегина не льстила перспектива быть обесчещенным глазами «общественного мнения»: «Но шепот, хохотня глупцов...» [3, т. VI, с. 122].

Рассмотрим такой сюжет «опасного соседства», как *вражда соседей*. В «Барышне-крестьянке» вражда основана на несходстве убеждений соседей-помещиков и их образов жизни. «Русофил» Берестов воспринимает любые изменения в жизненном укладе враждебно. Его непримиримость к соседу-«англоману» Муромскому выражается оценочно-сравнительной характеристикой, четко противопоставляющей разные культурные стили и поведенческие системы: «Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы порусски хоть сыты» [3, т. VIII, кн. 1, с. 110]. Однако соседям-врагам все же удается стать соседями-друзьями и, скрепив обретенную дружбу браком своих детей, они превращаются в «соседей-родственников». В более позднем романе «Дубровский» представлена «история наоборот»: переход от дружбы соседей, от их почти родственных отношений (вспомним, что Троекуров и Дубровский-отец не отрицают возможности брака своих детей в будущем) к непримиримой вражде, разрушающей оба семейства. Полагаем, что развитие «соседственных» отношений в усадебном пространстве и в пушкинском «усадебном тексте» напрямую зависит от соблюдения правил, предписанных патриархальной русской традицией для ситуации «Хозяин-Гость». Так, следование законам гостеприимства позволяет помещикам повести «Барышня-крестьянка» примириться и в буквальном смысле стать одной семьей, а нарушение векового ритуала гостеприимства героями романа «Дубровский» (и Троекуровым, и обоими Дубровскими) приводит к роковым последствиям [4, с. 112–117].

На всем протяжении творчества Пушкина указанные функции мотива «соседство» сохраняются. Не ограничиваясь ма-

териалом художественных произведений Пушкина, обратимся к его эпистолярному наследию. В конце октября 1824 г., описывая В.Ф. Вяземской свою жизнь в Михайловском, поэт не забывает упомянуть и о соседях: «Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают – я слышу среди них Онегиным, – и вот я пророк в своем отечестве... В качестве *единственного развлечения*, я часто вижу с одной милой старушкой-соседкой – я слушаю ее патриархальные разговоры. Ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини...» [3, т. XIII, с. 113–114, 532]. Нетрудно заметить здесь наличие устойчивого мотивно-образного комплекса, связанного с усадебным типом поведения и известного еще по ранним лирическим произведениям Пушкина. Это, во-первых, образ «старушки-соседки», в котором уместились и абстрактный персонаж-схема стихотворения «Городок», и черты реальной личности из пушкинской биографии (П.А. Осипова). Во-вторых, это мотивация общения с соседями как «развлечения», тоже встречающаяся в ранней лирике поэта. В-третьих, в письме репрезентируется отношение адресата к правилам соседства в «усадебной» культуре через их нарушение: «...пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя...» [3, т. XIII, с. 113, 532]. Нарушение Пушкиным правил соседства отнюдь не означает их отрицания и тем более игнорирования. Оно лишь подтверждает тезис об обязательном соотношении пространственных и поведенческих координат своей усадьбы с координатами соседского усадебного мира.

Неслучайно Пушкин идентифицирует себя со своим героем Онегиным, в 1824 г. еще неизвестным широкой публике, тем более провинциальным помещиком. Он выстраивает свое поведение в соответствии с литературным образцом, что было характерно для пушкинской эпохи [5], но в случае с поэтом отражало его подчеркнуто принципиальную установку на полное одиночество («*единственное развлечение*») и затворничество как следствие несправедливого обвинения (в результате скандальной истории с отцом). Месяцем позже Пушкин пишет Д.М. Шварцу уже в приподнято-оптимистическом тоне: «Вот уже четыре месяца, как нахожусь я в глухой деревне... Уединение мое совершенно, праздность торжественна. Соседей

около меня мало, я знаком только с одним семейством и вижу его довольно редко...» [3, т. XIII, с. 129]. То же в письме Н.Н. Раевскому (июль 1825): «Покамест я живу в *полном одиночестве: единственная соседка*, у которой я бывал, уехала в Ригу, и у меня буквально *нет другого общества*, кроме старушки-няни и моей трагедии» [3, т. XIII, с. 196–197, 540–541]. Делая постоянный акцент на малолюдности усадьбы и малочисленности соседей, поэт «играет» штампами усадебной литературной традиции. В эпистолярном дискурсе одиночество разрастается до размеров полной изоляции, становящейся лейтмотивом михайловской и – особенно – болдинской переписки. Так, в Михайловском, обеспокоенный вестью о декабристском восстании, Пушкин отчитывает барона Дельвига за «бестолковое» письмо и ссылается на свое изолированное положение: «Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отовсюду прекратилась...» [2, т. XIII, с. 259]. Из окруженного карантинами Болдина поэт пишет Н.Н. Гончаровой: «Не знаю, что делается на белом свете... здесь я газет не читаю» [3, т. XIV, с. 114, 417]. Описывая невесте свой «островитянский» образ жизни, поэт считает нужным указать две детали: «Ни соседей, ни книг». Отсутствие того и другого означает полную изоляцию от мира, отсутствие источников информации.

В зависимости от жизненной ситуации Пушкин может менять свое отношение к факту наличия или отсутствия соседей. Поэт традиционен в резко негативном восприятии «докучного круга» соседей и поэтизации одиночества при использовании стандартного мотива усадьбы как спасения от суеты и хлопот большого мира: «Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей ни души...» (письмо П.А. Плетневу, сентябрь 1830 г.) [3, т. XIV, с. 112]. И наоборот, сожаление об отсутствии соседей возникает в пушкинском эпистолярном дискурсе всякий раз, как возникает необходимость получения новостей.

Итак, мотив «соседства» в «усадебном» тексте А.С. Пушкина имеет многоаспектный характер. В его изображении преломляются народные представления, поведенческие стереотипы, литературная традиция; происходит синтез идеализирующего и критического взгляда на феномен русской усадебной культуры. В изображении картин «усадебного бытия»

функциональное содержание мотива трансформируется из «идиллического» («дружество», «свой круг») в «опасное» (молва, вражда соседей). Мотив «соседства» оказывается неотделим от идеи «общего жития», что соответствует представлению Пушкина о едином Доме-Семье и усадьбе как метафоре Дома.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Полагаем, что в художественном сознании поэта понятие Сосед не могло не соотноситься с личностью В.Л. Пушкина и его фривольной поэмой «Опасный сосед». Однако задачи статьи и ее объем не позволяют нам представить анализ данного аспекта проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Щукин В.Г.* Спасительный кров. О некоторых мифопоэтических источниках славянофильской концепции Дома // Из истории русской культуры. Т.V (XIX век). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 241–255; *Расказова Л.В.* «Здесь меня таинственным щитом святое провиденье осенило...». Русская провинциальная дворянская усадьба в лирике А.С. Пушкина //

Литература в школе. 2002. № 6. С. 9–12; *Кривец И.П.* Образ дворянского дома – «гнезда» в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина // Русская литература в современном культурном пространстве : материалы II Всерос. науч. конф. (1–3 ноября 2002 г.) : в 2 ч. Ч. 1. Томск : Изд-во ТГПУ, 2003. С. 37–40; *Полова О.А.* Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007; *Радомская Т.И.* Феномен Дома и поэтика его воплощения в русской литературе первой трети XIX в. (А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007 и др.

- [2] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М. : ОГ, 2002. С. 311–329.
- [3] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : в 17 т. М. : Воскресение, 1994–1997.
- [4] Подробнее об этом см.: *Колягина Т.Ю.* «Усадебный» тип культуры в художественном сознании А.С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007.
- [5] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре (Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века). СПб. : Искусство-СПб, 1994. С. 233.